

ПОВЫШЕНИЕ ПЕНСИОННОГО ВОЗРАСТА В РОССИИ: ИТОГИ 2019 г. ПРИМЕР ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ^{1,2}

**Гильтман М.А., Антосик Л.В.,
Токарева О.Е., Обухович Н.В.³**

Аннотация

Предмет исследования – ситуация на рынке труда в связи с повышением пенсионного возраста в России в 2019 г. и влияние повышения пенсионного возраста на экономическую активность лиц предпенсионного возраста. Цель работы состоит в выявлении факторов экономической активности возрастных работников для определения их перспектив трудоустройства и занятости в связи с повышением пенсионного возраста. Для этого посредством мультиномиального логит-анализа микроданных Обследования рабочей силы Росстата за 2017–2019 гг. была проведена оценка вероятностей занятости, безработицы и неактивности лиц предпенсионного возраста. В моделях учтены социально-демографические характеристики населения нескольких возрастных групп. Полученные оценки показывают небольшое, но численно фиксируемое повышение вероятности занятости и снижение шансов на выход из рабочей силы для лиц предпенсионного возраста в 2019 г. по сравнению с 2017 и 2018 гг. Данные оценки дополнены анализом микроданных о зарегистрированных безработных Тюменской области за 2019 г., предо-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Тюменской области в рамках научного проекта № 20-410-720004.

² Статья подготовлена в рамках проекта по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций в научных изданиях НИУ ВШЭ (программа «Университетское партнерство»).

³ *Гильтман Марина Андреевна* – кандидат экономических наук, профессор кафедры экономики и финансов, заведующая научно-учебной лабораторией исследований рынка труда, Тюменский государственный университет. Адрес: 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6. E-mail: giltman@rambler.ru

Антосик Любовь Валерьевна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник научно-учебной лаборатории исследований рынка труда, Тюменский государственный университет. Адрес: 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6. E-mail: l.v.antosik@utmn.ru

Токарева Оксана Евгеньевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов, Тюменский государственный университет. Адрес: 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6. E-mail: o.tokareva2012@yandex.ru

Обухович Наталья Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и финансов, Тюменский государственный университет. Адрес: 625003, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6. E-mail: o.n.v@mail.ru

ставленных авторам Департаментом труда и занятости населения Тюменской области. Результаты исследования показали, что важнейшим фактором конкурентоспособности на рынке труда лиц предпенсионного возраста, состоявших на учете в службах занятости в качестве безработных, является наличие высшего образования. Выявлено, что, несмотря на все основные и дополнительные меры поддержки безработных старших возрастных групп, реализуемые в 2019 г. органами службы занятости, именно индивидуальные характеристики предпенсионеров, формирующие их конкурентоспособность на рынке труда, определяют перспективы их трудоустройства и занятости. Делается вывод, что усилия по поддержке занятости лиц старших возрастов целесообразно сосредоточить на профессиональном образовании и развитии востребованных работодателем навыков.

Ключевые слова: рынок труда; безработица; регистрируемая безработица; пособия по безработице; пенсионный возраст; предпенсионеры; экономическая активность.

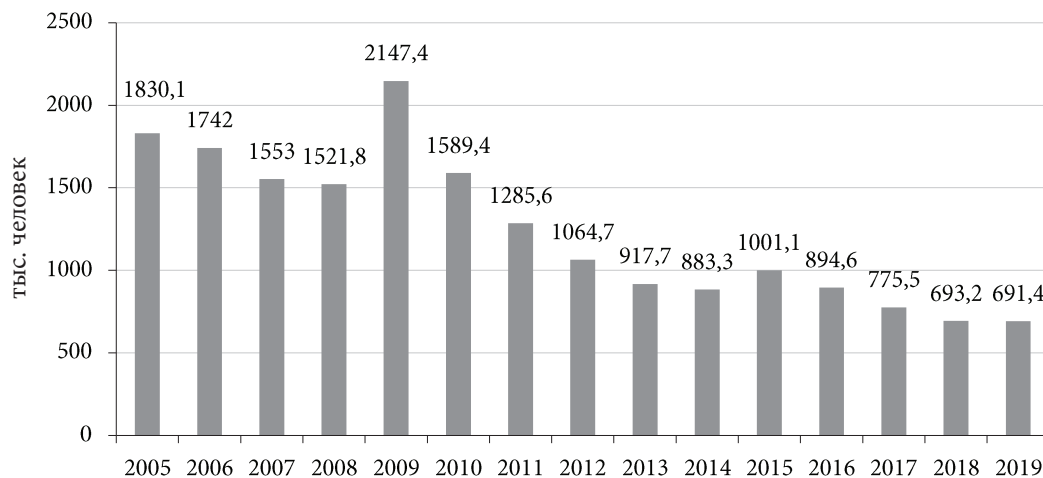
Введение

На момент написания данной статьи Послание Президента РФ Федеральному Собранию в 2021 г. еще не было озвучено, но в его анонсе в качестве одной из главных тем была обозначена работа над ошибками по повышению пенсионного возраста. Возможно, нас ждут какие-то корректировки пенсионного возраста или новый этап пенсионной реформы, но в любом случае реализация поэтапного повышения пенсионного возраста уже стартовала в 2019 г. и продолжилась в 2020 г. Пандемия COVID-19, оказавшая шоковое воздействие на многие сферы экономической и социальной жизни, вряд ли позволит оценить, какие чистые эффекты от повышения пенсионного возраста были получены в 2020 г. Таким образом, 2019 год – единственный, когда повышение пенсионного возраста уже произошло, а пандемии COVID-19 еще не наступило. В определенном смысле 2019 год – это уникальный год квази-естественного эксперимента повышения пенсионного возраста, последствия которого пока не были исследованы. Именно в 2019 г. произошли существенные изменения в работе служб занятости с новой льготной категорией безработных – предпенсионерами. Например, посредством постановления на учет в службы занятости предпенсионеры в 2019 г. могли оформить досрочный выход на пенсию, получать ряд дополнительных льгот, недоступных другим категориям безработных, для предпенсионеров было установлено более высокое пособие по безработице (более подробно см. далее).

Несмотря на столь внушительный комплекс мер по поддержке занятости, показатели зарегистрированной безработицы в 2019 г. существенно не изменились (рис. 1, 2), что контрастирует с показателями 2009 г., когда полномочия и возможности служб занятости также существенно расширились. Создается впечатление, что рынок труда фактически не заметил первого года реформы, что, в целом, было вполне ожидаемо (Горлин и др., 2018; Иванова, 2018; Капелюшников, 2019а; Капелюшников, 2019б и др.).

Рисунок 1

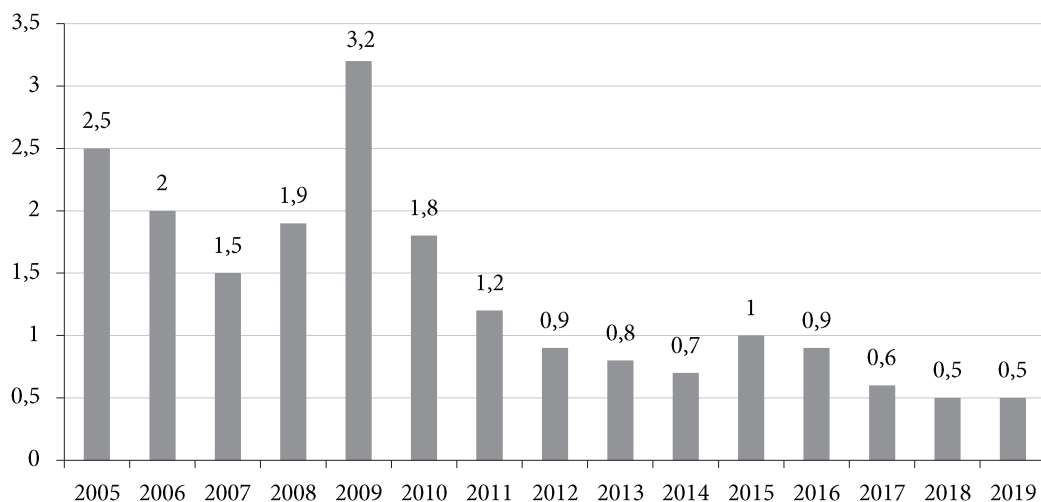
**Численность зарегистрированных безработных в РФ
(на конец года), тыс. человек**

Источники: Рассчитано авторами по данным Росстата (и далее, если не указано иное).

Рисунок 2

**Нагрузка незанятого населения, состоящего
на регистрационном учете в органах службы занятости
населения РФ, в расчете на одну заявленную вакансию**

Дискуссия о повышении пенсионного возраста в РФ привлекла внимание многих ученых и исследователей к теме занятости в старших возрастах (Вишневская, 2017; Денисенко, Варшавская, 2017; Иванова, 2018; Лукьянова, Капелюшников, 2019; Горлин и др., 2020 и др.). Результаты российских

и зарубежных исследований показали, что пожилые работники меньше зарабатывают (Гимпельсон, Зинченко, 2019), среди них выше поляризация занятости (Лукьянова, Капелюшников, 2019), намного чаще, чем другие возрастные группы, лица старших возрастов склонны входить в безработицу как в определенный этап между занятостью и неактивностью, уже не возвращаясь в состав рабочей силы (Gielen, Ours van, 2006; OECD Employment Outlook, 2013; Kuhn, в печати). Несмотря на сложности, сопровождающие занятость пожилых, повышение пенсионного возраста было положительно воспринято представителями российской экономической академической среды как из-за общемировой тенденции старения населения, увеличения продолжительности жизни и периода активного долголетия (Lee, Ronald, 2003; Вишневская, 2017; Капелюшников, 2019а и др.), так и по причине актуальной для России проблемы сокращения численности трудовых ресурсов (Капелюшников, Ощепков, 2014; Иванова, 2018; Капелюшников, 2019а; Капелюшников, 2019b). Более того, в России тенденция роста занятости населения в возрасте 60–64 лет была заметна в течение последних 15 лет (Капелюшников, Ощепков, 2014; Ляшок, Роцин, 2017). Как правило, увеличение длительности периода экономической активности лиц старших возрастов объясняют индивидуальными факторами – лучшим состоянием здоровья и более высоким уровнем образования по сравнению с более ранними когортами этого же возраста (Капелюшников, Ощепков, 2014; Вишневская, 2017; Ляшок, Роцин, 2017; Лукьянова, Капелюшников, 2019; Капелюшников, 2019b).

Многочисленные исследования, проводившиеся в разных странах, доказывают, что более высокий уровень образования повышает конкурентоспособность и трудовые доходы работника на длительное время, увеличивая период отдачи вложений в образование и удлиняя период занятости (Baldenweg-Bölle, 1998; Beehr et al., 2000; Boucekine et al., 2002; Dorn & Sousa-Poza, 2005; Schils, 2008; Gaessler, 2016; Kuhn, в печати). Чем ниже уровень образования, тем выше вероятность выхода на пенсию раньше официально установленного возраста (Venti, 2015). Высшее образование позволяет человеку легче приспосабливаться к технологическим изменениям в будущем посредством приобретения необходимых навыков (Gaessler, 2016; Смирных, 2020 и др.). В России предпенсионеры, имеющие высшее образование, чаще проходят дополнительное обучение и получают более высокую премию от образования с повышением возраста (Работники предпенсионного возраста..., 2020).

Зарубежные исследования показывают, что выход на пенсию – это не результат единоразового индивидуального решения, а длительный процесс изменений в условиях занятости, перехода на иные, чем прежде, виды работ, возможно, выход на инвалидность, переход в безработицу, временную занятость, а уже затем – в неактивность (Kohli et al, 1991; Shultz & Wang, 2011; Kuhn, в печати).

Целью настоящей работы является выявление факторов, влияющих на экономическую активность лиц предпенсионного возраста, для определения перспектив их трудоустройства и занятости в связи с повышением пенсионного возраста.

Для этого мы провели анализ того, как повышение пенсионного возраста на один год отразилось на экономической активности предпенсионеров. Мы использовали две базы микроданных: Обследование рабочей силы (ОРС) Росстата и данные о зарегистрированных в 2019 г. безработных⁴, предоставленные Департаментом труда и занятости населения Тюменской области. Сначала с помощью мультиномиального логит-анализа мы оценили вероятности занятости, безработицы и неактивности лиц предпенсионного возраста на данных ОРС в целом для России. Далее на основе микроданных о зарегистрированных безработных Тюменской области мы оценили доли трудоустроенных, оставшихся на учете и ставших экономически неактивными лиц предпенсионного возраста, а также провели анализ их трудоустройства. Насколько нам известно, подобного анализа на микроданных о зарегистрированных безработных в России пока не проводилось, что определяет новизну и значимость представленной работы. Полученные результаты позволяют понять, что в большей степени повлияло на трудоустройство предпенсионеров в 2019 г. – действия службы занятости или их индивидуальные факторы.

Предпенсионеры: новая категория безработных и специальные меры поддержки

Остановимся подробнее на институциональных изменениях 2019 г. в сфере занятости лиц старших возрастов, связанных с повышением пенсионного возраста. Именно в этом году начал действовать целый комплекс мер государственной поддержки, направленных на поддержку занятости предпенсионеров. Поскольку повышение общеустановленного пенсионного возраста происходит постепенно с 2019 по 2028 гг., при определении категории предпенсионеров или лиц предпенсионного возраста в 2019 г. необходимо учитывать ряд моментов:

- 1) 2019 год – первый из десяти лет переходного периода, поэтому пенсионный возраст повышен на один год и составил 56 лет для женщин и 61 год для мужчин. Соответственно, пенсионного возраста в данном году достигли те же женщины и мужчины, что и в 2018 г. в 55 и 60 лет, поэтому 2019 г. мог бы стать годом без новых пенсионеров (без учета льготных категорий);
- 2) 2019 год – первый из двух лет, когда действует специальная льгота – назначение страховой пенсии на полгода ранее нового пенсионного возраста. В результате фактический пенсионный возраст составил для женщин 55,5 лет, для мужчин – 60,5 лет;
- 3) помимо достижения установленного возраста, при назначении страховой пенсии учитываются требования по стажу и пенсионным коэффициентам.

⁴ В соответствии с ФЗ от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О персональных данных», ст. 6. «Условия обработки персональных данных», обработка персональных данных осуществлялась в исследовательских целях, с соблюдением условия обязательного обезличивания.

Таким образом, в 2019 г. пенсионного возраста достигли женщины, родившиеся в январе-июне 1964 г. и ранее, и мужчины, родившиеся в январе-июне 1959 г. и ранее. Тогда предпенсионеры – это женщины 1964–1968 гг. рождения и мужчины 1959–1963 гг. рождения, соответствующие требованиям по стажу и пенсионным коэффициентам.

Согласно ФЗ N 350 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» (от 03.10.2018) и Приказу Минтруда России N 116н (от 22.02.2019) статус предпенсионера подтверждается в Пенсионном фонде РФ. Данный статус позволяет получать льготы и меры социальной поддержки, ранее предоставляемые по достижении пенсионного возраста (бесплатные лекарства, льготный проезд на транспорте, скидка на оплату капремонта и других жилищно-коммунальных услуг, освобождение от имущественного и земельного налогов). С 2019 г. вводятся новые льготы, связанные с ежегодной диспансеризацией, дополнительные гарантии в сфере труда и занятости (бесплатное профессиональное переобучение), повышенное пособие по безработице, возможность выхода на пенсию ранее общеустановленного пенсионного возраста. За работодателем закрепляется обязанность ежегодно предоставлять работникам предпенсионного возраста два дня на бесплатную диспансеризацию с сохранением заработной платы. Предоставление льгот гражданину обеспечивают органы службы занятости и другие профильные ведомства, такие как органы социальной защиты населения, Федеральная налоговая служба.

Центры занятости предоставляют повышенное пособие по безработице, занимаются программами профессионального переобучения и повышения квалификации предпенсионеров. Так, в 2019 г. в рамках нацпроекта «Демография» федерального проекта «Старшее поколение» (срок реализации 2019–2024 гг.) 3,4 млрд руб. было распределено между регионами в виде субсидий для реализации программ обучения людей старших возрастов⁵. С 2020 г. органы службы занятости совместно с Союзом «Молодые профессионалы (WorldSkills Russia)» реализуют специальную федеральную программу профессионального обучения и дополнительного профессионального образования для лиц в возрасте 50 лет и старше, а также лиц предпенсионного возраста в целях формирования или развития имеющихся у них знаний, компетенций и навыков, обеспечивающих конкурентоспособность и профессиональную мобильность на рынке труда. Обучение организовано через службы занятости и по программам WorldSkills при поддержке Федеральной службы по труду и занятости РФ за счет средств федерального бюджета⁶.

Наиболее востребованными среди предпенсионеров являются программы переобучения по направлениям сферы услуг, информационных,

⁵ Министр М. Топилин – о поддержке предпенсионеров, повышении зарплат бюджетникам, нацпроекте «Демография» в интервью «Российской газете». URL: <https://mintrud.gov.ru/social/82> (дата обращения: 28.04.2021).

⁶ В рамках федерального проекта «Старшее поколение» национального проекта «Демография». Распоряжение Правительства РФ от 26.03.2020 N 742-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/rqZDEPeEA5IISzxDlzf3wjkyZgbcabGk.pdf> (дата обращения: 28.04.2021).

коммуникационных и строительных технологий. Целью повышения квалификации граждан предпенсионного возраста является сохранение их конкурентоспособности по сравнению с более молодыми возрастными группами, при этом наиболее очевидные провалы в более старших возрастах наблюдаются как раз во владении цифровыми навыками (Смирных, 2020; Работники предпенсионного возраста..., 2020). Участниками региональных проектов «Старшее поколение» являются также работодатели, которые осуществляют возмещение нормативных затрат на организацию обучения работников в возрасте 50 лет и старше на безвозмездной и безвозвратной основе, что призвано изменить предвзятое отношение работодателей к лицам старших возрастов, которое имеет место не только в России, но и в зарубежных странах (Krings et al., 2011; Conen et al., 2012; Смирных, 2020).

Предпенсионеры помимо социальных гарантий, доступных и другим категориям населения (содействие занятости, профессиональное обучение и дополнительное профессиональное образование, финансовая поддержка для прохождения профессионального обучения или получения дополнительного профессионального образования в другой местности, выплата пособий по безработице и материальной помощи и прочее), получают дополнительные социальные гарантии в сфере труда и занятости.

Во-первых, на 2019 г. Правительством РФ⁷ установлен повышенный максимальный размер пособия по безработице – 11280 руб. для безработных предпенсионного возраста (для остальных категорий безработных он составлял 8000 руб.), корректируемый на районный коэффициент, если они состояли в трудовых (служебных) отношениях не менее 26 недель в период, предшествующий началу безработицы – Закон РФ «О занятости населения в Российской Федерации» от 19.04.1991 N 1032-1 (далее – Закон о занятости), ст. 34.2.

Во-вторых, период выплаты пособия по безработице гражданам предпенсионного возраста продолжительнее, чем у других категорий безработных граждан, и в сумме достигает 12 месяцев в течение 18 месяцев (исключения составляют граждане, стремящиеся возобновить трудовую деятельность после длительного (более одного года) перерыва; уволенные за нарушение трудовой дисциплины или другие виновные действия, предусмотренные законодательством Российской Федерации, а также направленные органами службы занятости на обучение и отчисленные за виновные действия) (Закон о занятости, ст. 34.2).

В-третьих, каждый год работы, превышающий страховой стаж (не менее 25 для мужчин и 20 лет для женщин) или необходимый спецстаж, может продлевать период выплаты пособия по безработице на две недели сверх 12 месяцев и увеличивать установленную суммарную продолжительность до 24 месяцев в течение 36 месяцев (Закон о занятости, ст. 34.2).

В-четвертых, стипендия, выплачиваемая безработным предпенсионного возраста, в период прохождения профобучения и получения допол-

⁷ Постановление Правительства РФ от 15.11.2018 N 1375.

нительного профобразования по направлению органов службы занятости ограничивается максимальным (11280 руб.) размером пособия по безработице, корректируемым на районный коэффициент.

В-пятых, при отсутствии возможности трудоустройства, органы службы занятости населения могут предложить безработным гражданам и с их согласия оформить досрочный выход на пенсию с досрочным назначением пенсии за два года до наступления пенсионного возраста при наличии страхового стажа не менее 25 для мужчин и 20 лет для женщин или необходимого спецстажа и при соблюдении других условий (подробнее см. ст. 32 Закона о занятости и Приказ Минтруда РФ от 22.02.2019 N 116н). К досрочно назначаемой пенсии может быть установлена и пенсия за выслугу лет (подробнее см. ст. 32 Закона о занятости). Причем, пенсионные выплаты могут временно прекращаться или приостанавливаться на период трудоустройства или возобновления иной деятельности с последующим возобновлением.

В-шестых, граждане предпенсионного возраста, получающие досрочно назначенную пенсию, могут перейти на страховую пенсию по возрасту по достижении пенсионного возраста (в том числе при наличии спецстажа) (ст. 32 Закона о занятости).

Предоставляемые государством льготы и социальные гарантии призваны облегчить положение предпенсионеров в переходный период по повышению пенсионного возраста. Фактически, регистрация в органах службы занятости в качестве безработного при соблюдении ряда условий (отсутствие отказа от обучения по направлению органов службы занятости и от двух вариантов подходящей работы в период безработицы; отсутствие возможности трудоустройства и нарушений безработным гражданином условий и сроков перерегистрации без уважительных причин) способствует получению статуса пенсионера для лиц предпенсионного возраста, максимально приближенного к прежнему пенсионному.

Таким образом, в 2019 г. был реализован ряд мер государственной поддержки лиц предпенсионного возраста, направленный, с одной стороны, на поддержание их конкурентоспособности и занятости, с другой стороны – через службы занятости предпенсионеры могли выйти на пенсию в том же возрасте и, фактически, на тех же условиях, что и раньше. Сочетание индивидуальных выборов предпенсионеров, работодателей и возможностей служб занятости при наличии большого количества инструментов регулирования и поддержки занятости лиц старших возрастов могло быть различным. Как складывалась ситуация с реальной занятостью предпенсионеров 2019 г. – покажем далее.

Оценка вероятностей занятости и неактивности в старших возрастах на данных ОРС

Дискуссии о повышении пенсионного возраста довольно часто сводились к проблемам занятости и возможного роста безработицы в старших возрастах (Вишневская, 2017; Денисенко, Варшавская, 2017; Ива-

нова, 2018; Лукьянова, Капелюшников, 2019; Горлин и др., 2020 и др.). Здесь мы анализируем, насколько изменились вероятности попадания в безработные и занятые предпенсионеров в 2019 г. по сравнению с 2017 и 2018 гг.

Три года – это достаточно небольшой период времени, чтобы говорить о схожих межпоколенческих индивидуальных характеристиках предпенсионеров и об их поведении на рынке труда. Более длительные временные периоды могут свидетельствовать о существенном различии в предыдущих выборах в сфере занятости и образования, разных поведенческих моделях в принятии решений о занятости (Вишневская, 2017; Гимпельсон, Зинченко, 2019; Лукьянова, Капелюшников, 2019). Сравнивая занятость, безработицу и неактивность предпенсионеров в 2017–2019 гг., мы можем предполагать, что изменения в 2019 г. если и произошли, то как раз за счет начала повышения официального пенсионного возраста и/или связанных с ним дополнительных инструментов поддержки пожилых безработных со стороны служб занятости. Для анализа мы используем базу микроданных выборочных обследований рабочей силы Росстата (ОРС) в 2017–2019 гг., которая содержит более 230 тыс. наблюдений лиц в возрасте 50–64 лет за каждый год.

Общий взгляд на динамику распределения респондентов на занятых, безработных и лиц вне рабочей силы (экономически неактивных) показывает довольно устойчивую картину – цифры менялись буквально в диапазоне 0–1 п.п. Такой небольшой разбег вполне можно объяснить просто особенностями формирования выборок ОРС.

Рисунок 3

**Доля занятых от всех респондентов ОРС
в соответствующем году, %**

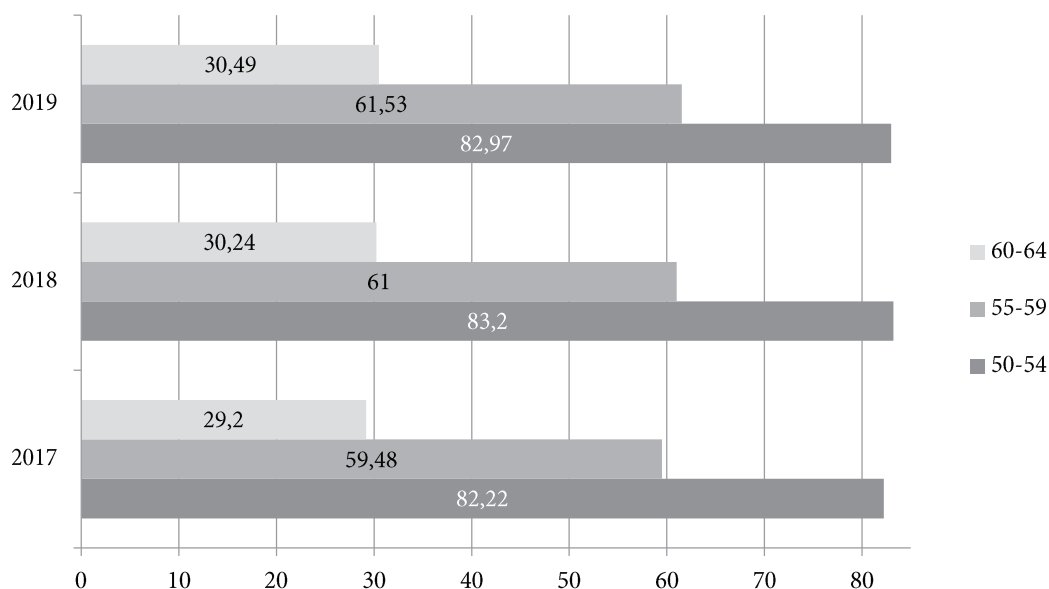

Рисунок 4

**Доля безработных от всех респондентов ОРС
в соответствующем году, %**

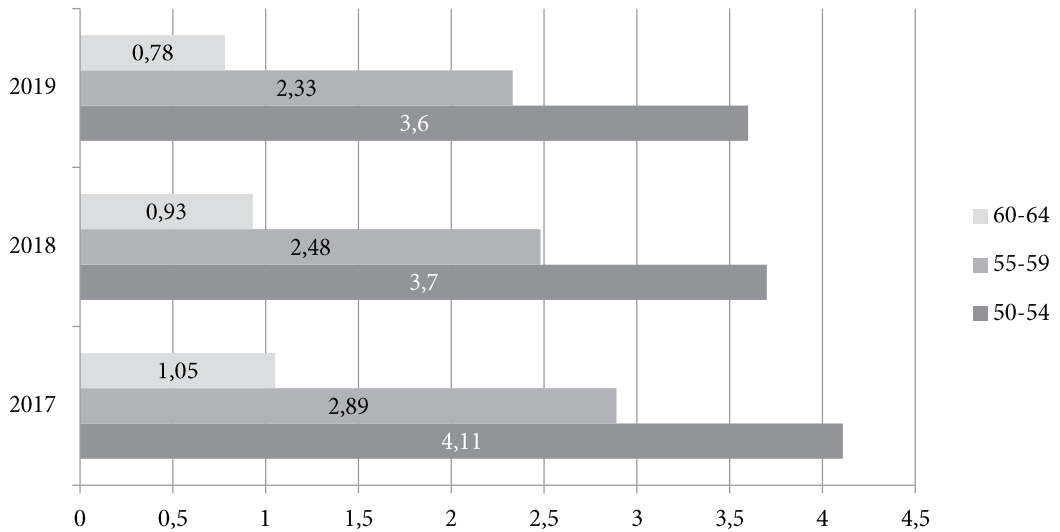
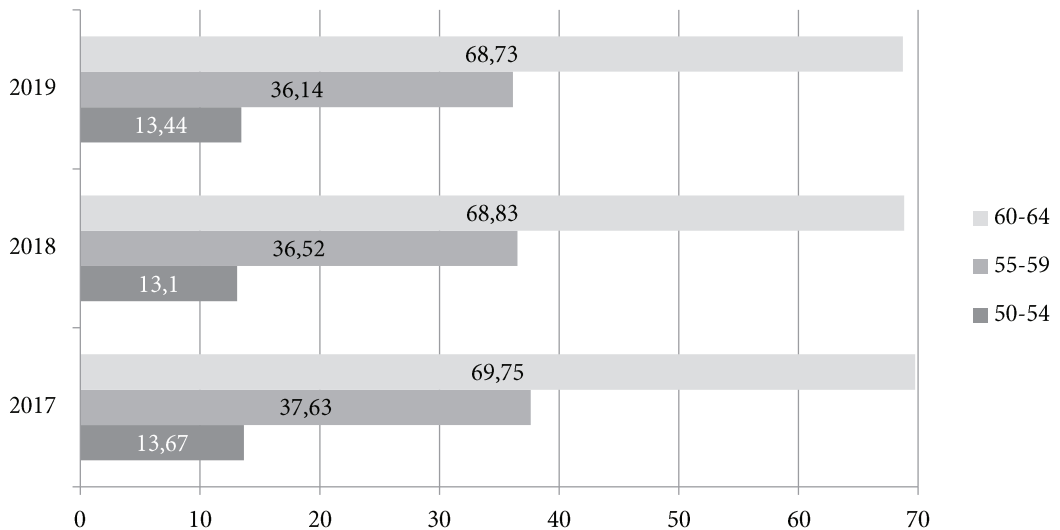

Рисунок 5

**Доля лиц вне рабочей силы от всех респондентов ОРС
в соответствующем году, %**

Оценивание вероятностей занятости, безработицы и неактивности лиц предпенсионного возраста на данных ОРС мы выполнили с помощью мультиномиального логит-анализа по нескольким возрастным группам: 30–64 лет – наиболее активный возраст на рынке труда; 50–54 лет – предпенсионный возраст для женщин; 55–59 лет – предпенсионный возраст

для мужчин и, в 2019 г., для части женщин; 60–64 лет – предпенсионный возраст для части мужчин в 2019 г. и ранний пенсионный возраст для остальных респондентов. Результаты анализа приведены в Приложении, Таблицах П1–П4⁸.

Первый очевидный и вполне ожидаемый вывод – вероятность занятости с возрастом снижается (на 4–6% в возрасте 50–54 лет; 21–23% – в 55–59 лет; 40–41% – в 60–64 года), а перехода в неактивность растет примерно с теми же значениями, тем самым фактически минуя состояние безработицы, что, в целом, было характерно для лиц старших возрастов и ранее (Гимпельсон, Шарунина, 2015; Ляшок, Рощин, 2017). Существенной динамики в 2017–2019 гг. в рамках одной возрастной группы для большинства показателей не наблюдается. Исключение составляет небольшое снижение вероятности перехода в неактивность для возрастов 50–54 лет (с 6,4% в 2017 г. до 4,6% в 2019 г.) и 55–59 лет (с 25% в 2017 г. до 23% в 2019 г.) с соответствующим ростом шансов на занятость в этих же возрастах (Приложение, Таблица П1). В группе 55–59 лет с 3% в 2017 г. до 4,5% в 2019 г. повысилась вероятность трудоустройства лиц, состоящих в браке. Можно предположить, что до 2019 г. женщины 55 лет, состоящие в браке, чуть чаще выбирали выход на пенсию и переходили в неактивность. О том, что это, скорее всего, женщины, мы можем видеть по тому, что вероятность занятости мужчин в этой возрастной группе на 25–27% выше, чем женщин (Приложение, Таблица П3). Также в группе 55–59 лет немного выросла вероятность занятости лиц с высшим образованием (с 20,8% в 2017 г. до 22,5% в 2019 г.). Таким образом, хотя и незначительные, но изменения экономического поведения на рынке труда в группах лиц 50–54 лет и 55–59 лет (куда попадает большая часть предпенсионеров) все же были, и касались они повышения вероятности занятости и снижения вероятностей перехода в неактивность.

Шансы попадания в безработные были невелики у всех возрастных групп и снижались с возрастом (Приложение, Таблицы П1–П4). Вероятность занятости в возрастных группах 55–59 лет и 60–64 года сильнее, чем в более молодых возрастах, увеличивало наличие детей до 18 лет (на 5–6% в 55–59 лет и на 10–12% в 60–64 лет) и высшего образования (на 15% для всей выборки 30–64 лет, 13% – 50–54 лет, 21–23% – 55–59 лет и 17–18% – 60–64 года). Если наличие детей говорит скорее о необходимости заработков, то высшего образования – о более высокой востребованности предпенсионеров на рынке труда (Ляшок, Рощин, 2017; Иванова, Шванова, 2018; Агранович, 2019; Капелюшников, 2019b; Лукьянова, Капелюшников, 2019; Смирных, 2020; Работники предпенсионного возраста..., 2020). Из остальных оцениваемых факторов вероятность занятости увеличивали наличие среднего профессионального образования по сравнению с более низким достигнутым уровнем образования и проживание в городе.

⁸ Из-за сложности интерпретации и большого количества значений мы не приводим значения коэффициентов и стандартных ошибок, а показываем только предельные эффекты и их значимость. Оценки проводились в статистическом пакете Stata.

Таким образом, несмотря на стабильную, в целом, структуру распределения лиц в возрастных группах 50–54 лет, 55–59 лет, 60–64 лет, охваченных ОРС, на занятых, безработных и неактивных в 2017–2019 гг., небольшое повышение вероятности занятости в группах 50–54 лет и 55–59 лет в 2019 г. все же произошло. При этом вероятности попадания в безработицу⁹ для всех групп старших возрастов остались на прежнем невысоком уровне. Следствием повышения официального пенсионного возраста стал не рост безработицы или вероятности попадания в нее лиц старших возрастов, а увеличение вероятности занятости и снижения вероятности выхода из рабочей силы предпенсионеров и молодых пенсионеров в 2019 г. по сравнению с 2017–2018 гг.

Анализ трудоустройства предпенсионеров, зарегистрированных в качестве безработных в 2019 г.

Несмотря на то, что официальная статистика не уловила, как показано в предыдущих разделах, роста общей и регистрируемой безработицы в 2019 г. по сравнению с предшествующими периодами, службами занятости был реализован ряд мер, введенных для поддержки безработных предпенсионеров. Например, по информации Департамента труда и занятости населения Тюменской области, профессиональное обучение прошли 664 человека (132,5% от планового показателя), из них 234 гражданина, состоящих в трудовых отношениях, и 430 граждан, ищущих работу. Обучение проводилось в организациях, осуществляющих образовательную деятельность в Тюменской области, по различным профессиям и направлениям подготовки, в их числе наиболее востребованные в сфере туризма, услуг, включая медицинские и социальные, программ налогообложения, делопроизводства, развития управленческих навыков¹⁰.

Как было показано выше, часть предпенсионеров могла регистрироваться в качестве безработных для более раннего выхода на пенсию, но, вероятно, были и те, кто на самом деле испытывал сложности с трудоустройством. Используя микроданные Департамента труда и занятости населения Тюменской области, мы оценили доли трудоустроенных, экономически неактивных и оставшихся на учете лиц предпенсионного возраста, а также провели анализ их трудоустройства. В 2019 г. среди зарегистрированных безработных лиц предпенсионного возраста было 2409 человек, что составляет 17,4% от их общего числа. 52% зарегистрированных безработных-предпенсионеров – мужчины. Средний возраст безработных женщин предпенсионного возраста – 53,3 года, мужчин – 58,2. Большая часть (58%) проживает в городе. 52,8% зарегистрированных безработных – лиц

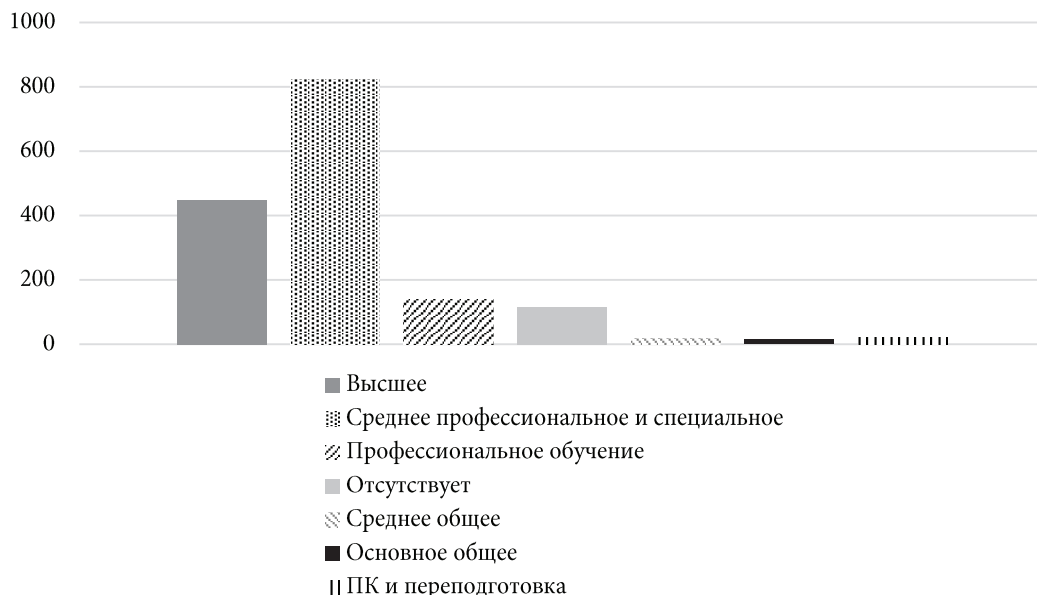
⁹ Речь идет о безработице, измеренной по методологии Международной организации труда, применяемой для определения статуса безработного Росстатом при проведении ОРС.

¹⁰ Итоги реализации национальных проектов «Демография» и «Производительность труда и поддержка занятости» в 2020 г. URL: <https://czn.admtyumen.ru/documents/detail/6d912537-6b4d-4fd0-8e9f-8149ecab57b4> (дата обращения: 28.04.2021).

предпенсионного возраста имеет высшее или среднее специальное/профессиональное образование (рис. 6).

Рисунок 6

Уровень образования лиц предпенсионного возраста – зарегистрированных безработных в Тюменской области, 2019 г.

Источник: Составлен авторами по данным Департамента труда и занятости населения Тюменской области, 2019 г. (и далее, если не указано иное).

Анализ микроданных о зарегистрированных безработных в Тюменской области показал, что результаты обращения в службу занятости можно разделить на три группы:

- 1) трудоустроены (самостоятельно, по направлению службы занятости, на общественные работы, на субсидируемое рабочее место, восстановлены на прежнее место работы, временно трудоустроены и занялись предпринимательской деятельностью);
- 2) стали экономически неактивными – к ним мы отнесли тех, кто отказался от услуг службы занятости, длительное время там не появлялся и кому была назначена пенсия;
- 3) остались на учете в службе занятости, т.е. по-прежнему являются безработными.

В Таблице 1 представлены оценки доли трудоустроенных, экономически неактивных и оставшихся на учете в службе занятости предпенсионеров в зависимости от их уровня образования.

Большая часть трудоустроенных в группе предпенсионеров без образования – 44%, доля трудоустроенных лиц с высшим и средним специальным/профессиональным образованием составляет около 35%. Однако доля само-

стоятельно трудоустроенных (без помощи службы занятости) больше в группе предпенсионеров с высшим образованием – 25,7% по сравнению с 13–14% в других группах. При этом среди женщин доля самостоятельно трудоустроенных выше (30%), чем у мужчин (19%).

Чаще экономически неактивными становятся предпенсионеры со средним профессиональным образованием – почти 54%, реже – лица с высшим образованием – 46%. Вероятно, это связано со спецификой труда имеющих среднее профессиональное образование: во многом это тяжелый физический труд, приводящий к ухудшению состояния здоровья (Работники предпенсионного возраста..., 2020).

Таблица 1

Результат обращения лиц предпенсионного возраста в службу занятости Тюменской области, 2019 г.

	Высшее образование		Среднее специальное образование		Среднее профессиональное образование		Без образования	
	Кол-во, чел.	Доля, %	Кол-во, чел.	Доля, %	Кол-во, чел.	Доля, %	Кол-во, чел.	Доля, %
Всего лиц предпенсионного возраста	448	100	391	100	432	100	1138	100
Трудоустроены,	157	35,0	134	34,3	155	35,9	502	44,1
в т.ч. трудоустроены самостоятельно	115	25,7	58	14,8	58	13,4	156	13,7
Остались на учете	85	19,0	65	16,6	44	10,2	84	7,4
Стали экономически неактивными	206	46,0	192	49,1	233	53,9	552	48,5

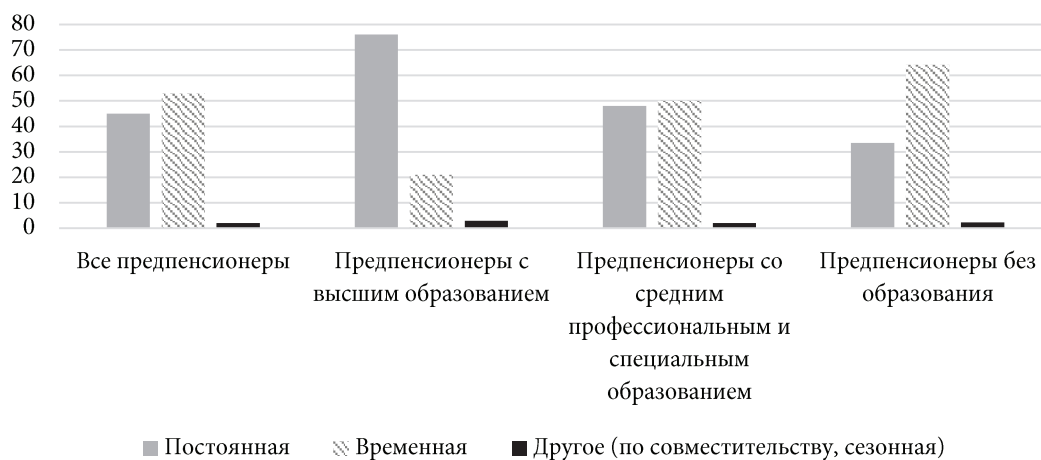
Остаются на учете дольше предпенсионеры с высшим образованием – 19%, тогда как в группе без образования таких только 7,4%. Это можно объяснить спецификой вакансий, которые предлагает служба занятости: в значительной степени это позиции, не требующие специальной подготовки и знаний. Возможно также, что у безработных с высшим образованием необходимость трудоустройства ниже из-за более высоких заработков в прошлом и наличия накоплений (Капелюшников, 2019b).

Анализ характера работы по месту трудоустройства (рис. 7) показал, что доля трудоустроенных на постоянную работу больше у имеющих высшее образование (76%). Среди предпенсионеров со средним специальным/профессиональным образованием на постоянную работу могут рассчитывать только 48%, а в группе не имеющих образования – 33,5%.

Таким образом, обращение в службу занятости позволяет быстрее найти работу предпенсионерам без образования. Однако для 64% таких предпенсионеров речь идет о временной работе. Имеющие высшее образование чаще трудоустраиваются самостоятельно и на постоянной основе.

Рисунок 7

Характер работы по месту трудоустройства лиц предпенсионного возраста Тюменской области (распределение в %), 2019 г.

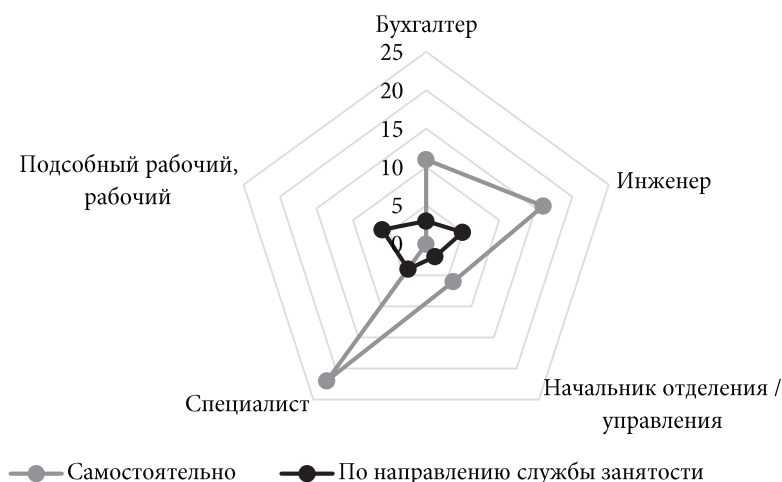

Далее мы провели сравнительный анализ позиций, на которые трудоустраиваются предпенсионеры самостоятельно и с помощью службы занятости, в разрезе уровня образования.

Как уже было отмечено, высшее образование позволяет большему количеству безработных самостоятельно находить работу. Наиболее распространенные вакансии, которые занимают лица предпенсионного возраста – специалист, инженер, бухгалтер, начальник отделения/управления (рис. 8). При этом возможности службы занятости в трудоустройстве на позиции, требующие высокой квалификации и специальных знаний, ограничены.

Рисунок 8

Трудоустройство лиц предпенсионного возраста с высшим образованием

Предпенсионеры со средним специальным образованием самостоятельно устраиваются на позиции продавца, кассира, уборщика, водителя (рис. 9). 41% трудоустроенных с помощью службы занятости предпенсионеров заняли вакансии подсобного рабочего или рабочего.

Рисунок 9

Трудоустройство лиц предпенсионного возраста со средним специальным образованием

Наличие среднего профессионального образования позволяет трудоустроиться подсобным рабочим, сторожем или охранником, водителем, кладовщиком (рис. 10).

Рисунок 10

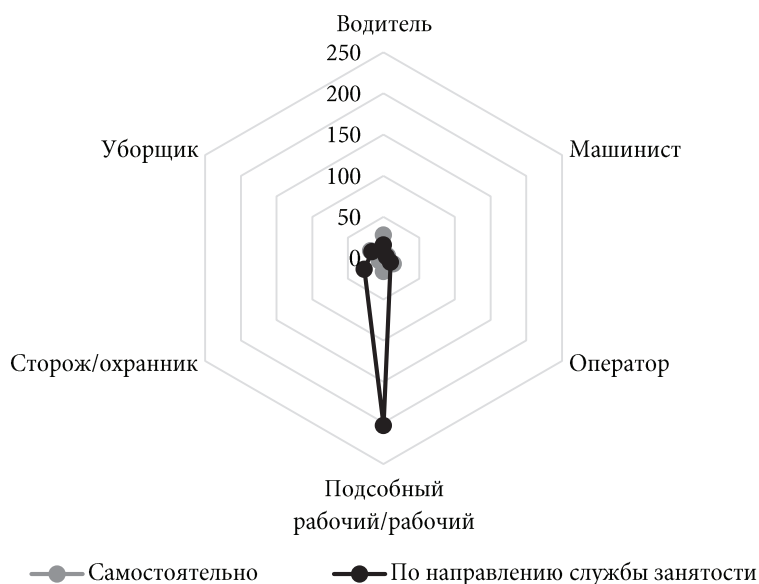
Трудоустройство лиц предпенсионного возраста со средним профессиональным образованием

Наиболее распространенные вакансии, занимаемые безработными предпенсионерами без образования, показаны на рис. 11. Самостоятельно можно устроиться водителем, оператором, подсобным рабочим, машинистом, уборщиком. С помощью службы занятости почти 59% нашедших работу становятся подсобными рабочими или рабочими.

Рисунок 11

Трудоустройство лиц предпенсионного возраста без образования

Таким образом, анализ данных Департамента труда и занятости населения Тюменской области показал, что служба занятости на самом деле оказывала помощь в трудоустройстве безработным предпенсионерам, включая обучение и подбор вакансий. Несмотря на то, что регионы могут различаться по возможностям занятости лиц предпенсионного возраста (Гимпельсон, Зинченко, 2019; Работники предпенсионного возраста..., 2020), службы занятости субъектов РФ действуют в рамках единого правового поля, имеют в своем арсенале схожий набор инструментов для проведения пассивной и активной политики (Гильтман и др., 2019), поэтому результаты анализа о зарегистрированных безработных по данным Департамента труда и занятости населения Тюменской области в общем виде могут быть вполне тиражируемы. В частности, выводы о том, что службы занятости чаще помогали лицам без образования, а предпенсионеры с высшим образованием чаще трудоустроивались самостоятельно и на более высокие позиции. В то же время, лица предпенсионного возраста с высшим образованием дольше находились на учете в службе занятости. Возможно, такой индивидуальный выбор может объясняться намерением обращения в службу занятости с целью более раннего выхода на пенсию и/или получения пособия, а не желанием найти новую работу.

Заключение

Результаты нашего анализа показали небольшое, но численно фиксируемое повышение вероятности занятости и снижение шансов на выход из рабочей силы для лиц 50–54 лет и 55–59 лет в 2019 г. по сравнению с соседними 2017 и 2018 гг. Скорее всего, это связано с тем, что часть предпенсионеров ориентировались на официально установленный пенсионный возраст и принимали решение о выходе на пенсию по его достижении. В остальных случаях предпенсионеры изначально планировали более поздний выход на пенсию, поэтому добавление одного дополнительного года никак не повлияло на их решения о занятости. В пользу этого предположения говорит уже сформировавшаяся в России тенденция роста занятости лиц старших возрастов в последние несколько десятилетий. Отсутствие всплесков не только общей, но и регистрируемой безработицы говорит о том, что большая часть предпенсионеров в 2019 г. либо продолжали быть занятыми на прежних рабочих местах, либо трудоустроились самостоятельно, не прибегая к услугам служб занятости, что свидетельствует об их достаточной конкурентоспособности. Другим объяснением того, что российский рынок труда в 2019 г. достаточно спокойно принял увеличение предложения труда лиц старших возрастов, несмотря на нехватку у них определенных навыков, могло стать сокращение численности трудовых ресурсов в стране. Таким образом, предпенсионеры просто компенсировали нехватку работников более молодых возрастов.

Наше исследование подтвердило, что важнейшим фактором сохранения статуса занятости и трудоустройства даже тех предпенсионеров, которые обращались в службы занятости, является наличие высшего образования. Проведенный нами анализ трудоустройства зарегистрированных безработных показал, что, несмотря на все дополнительные меры поддержки безработных предпенсионеров, реализуемые в 2019 г. через службы занятости, включая программы переобучения, безработные с уровнем образования ниже высшего трудоустраивались только на временные работы и/или низкие позиции в организациях. Кроме того, лица предпенсионного возраста без высшего образования трудоустраивались быстрее, чем предпенсионеры с высшим образованием, и преимущественно с помощью служб занятости. Нахождение в статусе зарегистрированного безработного у лиц предпенсионного возраста с высшим образованием более длительно, что является скорее плюсом, так как может способствовать более тщательному поиску подходящей работы. При этом безработные предпенсионеры с высшим образованием чаще находят работу самостоятельно, занимая более высокие позиции, чем лица с более низкими уровнями образования.

Таким образом, дальнейшие усилия государства по поддержке занятости лиц старших возрастов должны быть сосредоточены на повышении их конкурентоспособности на рынке труда посредством обучения и развития востребованных работодателями навыков, начиная с более молодого возраста и до выхода на пенсию.

Дальнейшие исследования экономической активности и занятости предпенсионеров могут быть связаны с изучением эффективности конкретных инструментов и программ, реализуемых государством для этой группы населения.

Благодарность

Авторы статьи выражают благодарность Погодаевой Т.В. – проректору ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет» – за организационную поддержку проекта и Департаменту труда и занятости населения Тюменской области за предоставленные данные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агранович М.Л. Оценка шансов на занятость работников предпенсионного и пенсионного возрастов // Экономическая политика. – 2019. – Т. 14. – № 2. – С. 90–109.
2. Вишневская Н.Т. Безработица в странах ОЭСР – эволюция взглядов и политики // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 8. – С. 14–26.
3. Вишневская Н.Т. Работники старших возрастов на рынке труда в странах ОЭСР // Экономический журнал ВШЭ. – 2017. – Т. 21. – № 4. – С. 680–701.
4. Гильтман М.А., Обухович Н.В., Токарева О.Е. Активная и пассивная политика на российском рынке труда: централизация или регионализация? // Вопросы экономики. – 2019. – № 6. – С. 79–98.
5. Гимпельсон В.Е., Шарунина А.В. Потоки на российском рынке труда: 2000–2012 гг. // Экономический журнал ВШЭ. – 2015. – Т. 19. – № 3. – С. 313–348.
6. Гимпельсон В.Е., Зинченко Д. Цена возраста: заработная плата работников в старших возрастах // Вопросы экономики. – 2019. – № 11. – С. 35–62.
7. Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю., Малева Т.М. Повышение пенсионного возраста: позитивные эффекты и вероятные риски // Экономическая политика. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 148–179.
8. Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю., Салмина А.А. Коэффициент замещения как инструмент анализа и прогнозирования пенсионной системы // Вопросы экономики. – 2020. – № 12. – С. 80–103.
9. Денисенко М.Б., Варшавская Е.Я. Продолжительность трудовой жизни в России // Экономический журнал ВШЭ. – 2017. – Т. 21. – № 4. – С. 592–622.

10. Иванова М.А. Пенсионная система и трудовая активность: международный опыт // Вопросы экономики. – 2018. – № 10. – С. 53–75.
11. Иванова Н.Л., Шванова И.С. Карьера государственных служащих старшей возрастной группы: ресурсы и востребованность // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2018. – № 1. – С. 126–139.
12. Капелюшников Р.И. Феномен старения населения: экономические эффекты // Экономическая политика. – 2019. – Т. 14. – № 2. – С. 8–63.
13. Капелюшников Р.И. Феномен старения населения: экономические эффекты // Экономическая политика. – 2019. – Т. 14. – № 3. – С. 8–53.
14. Капелюшников Р.И., Ощепков А.Ю. Российский рынок труда: парадоксы посткризисного развития // Вопросы экономики. – 2014. – № 7. – С. 66–92.
15. Лукьянова А.Л., Капелюшников Р.И. Работники предпенсионного и пенсионного возраста на российском рынке труда: тенденции в реаллокации занятости // Вопросы экономики. – 2019. – № 11. – С. 5–34.
16. Ляшок В.Ю., Рощин С.Ю. Молодые и пожилые работники на российском рынке труда: являются ли они конкурентами? // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2017. – № 1. – Т. 33. – С. 117–140.
17. Работники предпенсионного возраста на рынке труда в Российской Федерации: информационный бюллетень / Под ред. С.Ю. Рощина, С.А. Солнцева. – М.: Изд. дом ВШЭ, 2020.
18. Смирных Л.И. Цифровая грамотность пожилого населения и цифровизация предприятий: опыт европейских стран // Вопросы экономики. – 2020. – № 12. – С. 104–124.
19. Baldenweg-Bölle U. Kollektive Altersvorsorge und flexibles Rentenalter in der Schweiz. European university studies. Series V. Economics and management. German Edition. Peter Lang, Bern. 1998.
20. Barbanchon T. The effect of the potential duration of unemployment benefits on unemployment exits to work and match quality in France // Labour Economics. 2016. Vol. 42. October. P. 16–29. URL: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:eee:labeco:v:42:y:2016:i:c:p:16-29> (дата обращения: 02.03.2021).
21. Beehr T.A., Glazer S., Nielson N.L., Farmer S.J. Work and Nonwork Predictors of Employees' Retirement Ages // Journal of Vocational Behavior. 2000. Vol. 57. No. 2. P. 206–225.
22. Bloom D., Canning D. How Companies Must Adapt for an Ageing Workplace // Harvard Business Review. 2012. December. URL: <https://hbr.org/2012/12/how-companies-must-adapt-for-a> (дата обращения: 02.03.2021).
23. Bloom D., Sousa-Poza A. Aging and Productivity: Introduction // Labour Economics. 2013. February. URL: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/71707/1/737838035.pdf> (дата обращения: 02.03.2021).
24. Boeri T., Macis M. Do Unemployment Benefits Promote or Hinder Job Reallocation? // Journal of Development Economics. 2010. Vol. 93. No. 1. URL: <https://ssrn.com/abstract=1790382> (дата обращения: 02.03.2021).

25. Boucekkinе R., De la Croix D., Licandro O. Vintage human capital, demographic trends, and endogenous growth // *Journal of Economic Theory*. 2002. No. 104. Vol. 2. P. 340–375. URL: DOI: 10.1006/jeth.2001.2854 (дата обращения: 02.03.2021).
26. Conen W., Henkens K., Schippers J. Employers' attitudes and actions towards the extension of working lives in Europe // *International Journal of Manpower*. 2012. Vol. 33. No. 3. P. 648–665. URL: <https://doi.org/10.1108/01437721211261804> (дата обращения: 02.03.2021).
27. Dorn D., Sousa-Poza A. The Determinants of Early Retirement in Switzerland // *Swiss Journal of Economics and Statistics*. 2005. Vol. 141. No. 2. P. 247–283.
28. Gaessler A., Ziesemer T. Optimal education in times of ageing: The dependency ratio in the Uzawa–Lucas growth model // *The Journal of the Economics of Ageing*. 2016. Vol. 7. April. P. 125–142. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2016.03.001> (дата обращения: 02.03.2021).
29. Gielen A., van Ours J. Age-specific Cyclical Effects in Job Reallocation and Labor Mobility // *Labour Economics*. 2006. Vol. 13. No. 4. P. 493–504.
30. González Rozada M., Ruffo H. Non-Contributory Pensions and Savings: Evidence from Argentina. 2016. IDB Working Paper No. IDB-WP-629. URL: <https://ssrn.com/abstract=2956678> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2956678> (дата обращения: 02.03.2021).
31. Krings F., Sczesny S., Kluge A. Stereotypical inferences as mediators of age discrimination: The role of competence and warmth // *British Journal of Management*. 2011. Vol. 22. No. 2. P. 187–201. URL: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8551.2010.00721.x> (дата обращения: 02.03.2021).
32. Kuhn U., Grabka M., Suter C. Early retirement as a privilege for the rich? A comparative analysis of Germany and Switzerland // *Advances in Life Course Research*. 2021. Vol. 47. March (in press). URL: <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2020.100392> (дата обращения: 02.03.2021).
33. OECD Employment Outlook, 2013. OECD, 2013. URL: <https://www.oecd.org/els/emp/OECD%20Employment%20Outlook%202013-Web%20Annexes.pdf> (дата обращения: 02.03.2021).
34. Ronald L. The demographic transition: three centuries of fundamental change // *Journal of Economic Perspectives*. 2003. Vol. 17. No. 4. P. 167–190. URL: DOI: 10.1257/089533003772034943 (дата обращения: 02.03.2021).
35. Schils T. Early Retirement in Germany, the Netherlands, and the United Kingdom: A Longitudinal Analysis of Individual Factors and Institutional Regimes // *European Sociological Review*. 2008. Vol. 24. No. 3. P. 315–329.
36. Schulz J., Kohli M., Rein M., Guillemard A., van Gunsteren H. Time for Retirement: Comparative Studies of Early Exit from the Labour Force. Cambridge University Press. Cambridge. 1991. URL: doi:10.1017/S0144686X00000714 (дата обращения: 02.03.2021).
37. Shultz K.S., Wang M. Psychological perspectives on the changing nature of retirement // *The American Psychologist*. 2011. No. 66. P. 170–179.
38. Tuit S., van Ours J.C. How changes in Unemployment Benefit Duration Affect the Inflow into Unemployment // *Economics Letters*. 2010. No. 109. P. 105–107.
39. Venti S., Wise D. The long reach of education: Early retirement // *The Journal of the Economics of Ageing*. 2015. December. Vol. 6. P. 133–148. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2015.08.001> (дата обращения: 02.03.2021).

INCREASING PENSION AGE IN RUSSIA: 2019 RESULTS. CASE STUDY: TYUMEN REGION¹¹

Marina Giltman

PhD, Professor at the Department of Economics and Finance, Head of the Laboratory for Labour Market Studies, University of Tyumen.

Address: University of Tyumen, 6 Volodarsky Str., 665003, Tyumen, Russian Federation.

E-mail: giltman@rambler.ru

Liubov Antosik

PhD, Senior Research Fellow at the Laboratory for Labour Market Studies, University of Tyumen.

Address: University of Tyumen, 6 Volodarsky Str., 665003, Tyumen, Russian Federation.

E-mail: l.v.antosik@utmn.ru

Oksana Tokareva

PhD, Associate Professor at the Department of Economics and Finance, University of Tyumen.

Address: University of Tyumen, 6 Volodarsky Str., 665003, Tyumen, Russian Federation.

E-mail: o.tokareva2012@yandex.ru

Natalia Obukhovich

PhD, Associate Professor at the Department of Economics and Finance, University of Tyumen.

Address: University of Tyumen, 6 Volodarsky Str., 665003, Tyumen, Russian Federation.

E-mail: o.n.v@mail.ru

Abstract

The article examines the impact of raising the retirement age in Russia on the economic activity of older workers in 2019, the starting year of the transition period for raising the retirement age, which preceded the COVID-19 pandemic. The probabilities of employment, unemployment and inactivity of persons of pre-retirement age was estimated using a multinomial logit analysis. Multinomial logit analysis was based on microdata from the Rosstat Labor Force Survey for 2017–2019. The models included the socio-demographic characteristics of the population of the several age groups. The obtained estimates show a small, but numerically noticeable increase in the probability of employment and a decrease in the chances of leaving the labor force for persons of pre-retirement age in 2019 compared to 2017 and 2018. These results were supplemented by an analysis of microdata on the registered unemployed of the Tyumen region for 2019, provided to the authors by the Department of Labor and Employment of the Tyumen Region. The results of the study show that higher education is the most important factor in the competitiveness in the labor market for persons of pre-

¹¹ The research was funded by RFBR and Tyumen Region, project number 20-410-720004.

retirement age. Despite all the instruments of the state regulation implemented in 2019 which tend to support the employment in the older age groups, individual characteristics of pre-retirees made greater impact on their competitiveness on the labor market. Thus, implications for the policy could be to focus efforts on supporting professional education and training for adults.

Keywords: labor market; unemployment; registered unemployment; unemployment benefits; retirement age; pre-retirees; economic activity.

Citation: Giltman, M.A., Antosik, L.V., Tokareva, O.Ye. & Obukhovich, N.V. (2021). Povysheniye pensionnogo vozrasta v Rossii: Itogi 2019 g. Primer Tyumenskoy oblasti [Increasing Pension Age in Russia: 2019 Results. Case Study: Tyumen Region]. *Public Administration Issues*, no 2, pp. 154–182 (in Russian).

REFERENCES

1. Agranovich, M.L. (2019). Otsenka shansov na zanyatost' rabotnikov predpensionnogo i pensionnogo vozrastov [Chances to be Employed for Employees at Pre-Retirement and Retirement Age]. *Ekonomicheskaya politika*, vol. 14, no 2, pp. 90–109.
2. Vishnevskaya, N.T. (2012). Bezrobotitsa v stranakh OESR – evolyutsiya vzglyadov i politiki [Unemployment in OECD Countries – Evolution of Views and Policies]. *World Economy and International Relations*, no 8, pp. 14–26.
3. Vishnevskaya, N.T. (2017). Rabotniki starshikh vozrastov na rynke truda v stranakh OESR [Older Workers in the OECD Labour Market]. *HSE Economic Journal*, vol. 21, no 4, pp. 680–701.
4. Gil'tman, M.A., Obukhovich, N.V. & Tokareva, O.E. (2019). Aktivnaya i passivnaya politika na rossiiskom rynke truda: tsentralizatsiya ili regionalizatsiya? [Active and Passive Labour Market Policies on the Russian Labour Market: Centralization or Regionalization?]. *Voprosy Ekonomiki*, no 6, pp. 79–98.
5. Gimpel'son, V.E. & Sharunina, A.V. (2015). Potoki na rossiiskom rynke truda: 2000–2012 gg. [Flows in the Russian Labor Market: 2000–2012]. *HSE Economic Journal*, vol. 19, no 3, pp. 313–348.
6. Gimpel'son, V.E. & Zinchenko, D. (2019). Tsena vozrasta: zarabotnaya plata rabotnikov v starshikh vozrastakh [Cost of Getting Older: Wages of Older Age Workers]. *Voprosy Ekonomiki*, no 11, pp. 35–62.
7. Gorlin, Yu.M., Lyashok, V.Yu. & Maleva, T.M. (2018). Povyshenie Pensionnogo vozrasta: Pozitivnye efekty i veroyatnye riski [Pension Age Increase: Positive Effects and the Possible Risks]. *Ekonomicheskaya politika*, vol. 13, no 1, pp. 148–179.
8. Gorlin, Yu.M., Lyashok, V.Yu. & Salmina, A.A. (2020). Koeffitsient zameshcheniya kak instrument analiza i prognozirovaniya pensionnoi sistemy [Replacement Rate as an Instrument of Analysis and Forecasting of Pension System]. *Voprosy Ekonomiki*, no 12, pp. 80–103.
9. Denisenko, M.B. & Varshavskaya, E.Ya. (2017). Prodolzhitel'nost' trudovoi zhizni v Rossii [Working Life Expectancy in Russia]. *HSE Economic Journal*, vol. 21, no 4, pp. 592–622.

10. Ivanova, M.A. (2018). Pensionnaya sistema i trudovaya aktivnost': mezhdunarodnyi opyt [Pension System and Labor Activity: International Experience]. *Voprosy Ekonomiki*, no 10, pp. 53–75.
11. Ivanova, N.L. & Shvanova, I.S. (2018). Kar'era gosudarstvennykh sluzhashchikh starshei vozrastnoi gruppy: Resursy i vostrebovannost' [Career of Civil Servants of the Senior Age Group: Resources and Demand]. *Public Administration Issues*, no 1, pp. 126–139.
12. Kapelyushnikov, R.I. (2019). Fenomen stareniya naseleniya: ekonomicheskie efekty [The Phenomenon of Population Aging: Major Economic Effects]. *Ekonomicheskaya politika*, vol. 14, no 2, pp. 8–63.
13. Kapelyushnikov, R.I. (2019). Fenomen stareniya naseleniya: ekonomicheskie efekty [The Phenomenon of Population Aging: Major Economic Effects]. *Ekonomicheskaya Politika*, vol. 14, no 3, pp. 8–53.
14. Kapelyushnikov, R.I. & Oshchepkov, A.Yu. (2014). Rossijskij rynek truda: paradoksy post-krizisnogo razvitiya [The Russian Labor Market: Paradoxes of the Postcrisis Performance]. *Voprosy Ekonomiki*, no 7, pp. 66–92.
15. Luk'yanova, A.L. & Kapelyushnikov, R.I. (2019). Rabotniki predpensionnogo i pensionnogo vozrasta na rossiiskom rynke truda: tendentsii v reallokatsii zanyatosti [Older Workers in the Russian Labor Market: Trends in Employment Reallocation]. *Voprosy ekonomiki*, no 11, pp. 5–34.
16. Lyashok, V.Yu. & Roshchin, S.Yu. (2017). Molodye i pozhilye rabotniki na rossiiskom rynke truda: yavlyayutsya li oni konkurentami? [Young and Older Workers in the Russian Labor Market: Are They Competitors?]. *Journal of the New Economic Association*, no 1, vol. 33, pp. 117–140.
17. *Rabotniki predpensionnogo vozrasta na rynke truda v Rossiiskoi Federatsii: informatsionnyi byulleten'* (2020). [Workers of Pre-Retirement Age in the Labor Market in the Russian Federation: Information Bulletin]. Eds: S.Yu. Roshchina, S.A. Solntseva. Moscow: HSE.
18. Smirnykh, L.I. (2020). Tsifrovaya gramotnost' pozhilogo naseleniya i tsifrovizatsiya predpriyatii: opyt evropeiskikh stran [Digital Literacy of the Elderly Population and Digitalization of Enterprises: Experience of European Countries]. *Voprosy ekonomiki*, no 12, pp. 104–124.
19. Baldenweg-Bölle, U. (1998). Kollektive Altersvorsorge und flexibles Rentenalter in der Schweiz. *European university studies. Series V. Economics and management. German Edition*. Bern: Peter Lang.
20. Barbanchon, T. (2016). The Effect of the Potential Duration of Unemployment Benefits on Unemployment Exits to Work and Match Quality in France. *Labour Economics*, no 42 (October), pp. 16–29. Available at: <https://EconPapers.repec.org/RePEc:eee:labeco:v:42:y:2016:i:c:p:16-29> (accessed: 02 March 2021).
21. Beehr, T.A., Glazer, S., Nielson, N.L. & Farmer, S.J. (2000). Work and Nonwork Predictors of Employees' Retirement Ages. *Journal of Vocational Behavior*, vol. 57, no 2, pp. 206–225.
22. Bloom, D. & Canning, D. (2012). How Companies Must Adapt for an Ageing Workplace. *Harvard Business Review*. December. Available at: <https://hbr.org/2012/12/how-companies-must-adapt-for-a> (accessed: 02 March 2021).
23. Bloom, D. & Sousa-Poza, A. (2013). Aging and Productivity: Introduction. *Labour Economics*. February. Available at: <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/71707/1/737838035.pdf> (accessed: 02 March 2021).

24. Boeri, T., Macis, M. (2010). Do Unemployment Benefits Promote or Hinder Job Reallocation? *Journal of Development Economics*, vol. 93, no 1. Available at: <https://ssrn.com/abstract=1790382> (accessed: 02 March 2021).
25. Boucekkine, R., De la Croix, D. & Licandro, O. (2002). Vintage Human Capital, Demographic Trends, and Endogenous Growth. *Journal of Economic Theory*, vol. 104, no 2, pp. 340–375. Available at: DOI: 10.1006/jeth.2001.2854 (accessed: 02 March 2021).
26. Conen, W., Henkens, K. & Schippers, J. (2012). Employers' Attitudes and Actions towards the Extension of Working Lives in Europe. *International Journal of Manpower*, vol. 33, no 3, pp. 648–665. Available at: <https://doi.org/10.1108/01437721211261804> (accessed: 02 March 2021).
27. Dorn, D. & Sousa-Poza, A. (2005). The Determinants of Early Retirement in Switzerland. *Swiss Journal of Economics and Statistics*, vol. 141, no 2, pp. 247–283.
28. Gaessler, A. & Ziesemer, T. (2016). Optimal Education in Times of Ageing: The Dependency Ratio in the Uzawa–Lucas Growth Model. *The Journal of the Economics of Ageing*, vol. 7, April, pp. 125–142. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2016.03.001> (accessed: 02 March 2021).
29. Gielen, A. & van Ours, J. (2006). Age-specific Cyclical Effects in Job Reallocation and Labor Mobility. *Labour Economics*, vol. 13, no 4, pp. 493–504.
30. González Rozada, M. & Ruffo, H. (2016). Non-Contributory Pensions and Savings: Evidence from Argentina. *IDB Working Paper No. IDB-WP-629*. Available at: <https://ssrn.com/abstract=2956678> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2956678> (accessed: 02 March 2021).
31. Krings, F., Sczesny, S. & Kluge, A. (2011). Stereotypical Inferences as Mediators of Age Discrimination: The Role of Competence and Warmth. *British Journal of Management*, vol. 22, no 2, pp. 187–201. Available at: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8551.2010.00721.x> (accessed: 02 March 2021).
32. Kuhn, U., Grabka, M. & Suter, C. (2021). Early Retirement as a Privilege for the Rich? A Comparative Analysis of Germany and Switzerland. *Advances in Life Course Research*, vol. 47, March (in press). Available at: <https://doi.org/10.1016/j.alcr.2020.100392> (accessed: 02 March 2021).
33. OECD (2013). OECD Employment Outlook. Available at: <https://www.oecd.org/els/emp/OECD%20Employment%20Outlook%202013-Web%20Annexes.pdf> (accessed: 02 March 2021).
34. Ronald, L. (2003). The Demographic Transition: Three Centuries of Fundamental Change. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 17, no 4, pp. 167–190. Available at: DOI: 10.1257/089533003772034943 (accessed: 02 March 2021).
35. Schils, T. (2008). Early Retirement in Germany, the Netherlands, and the United Kingdom: A Longitudinal Analysis of Individual Factors and Institutional Regimes. *European Sociological Review*, vol. 24, no 3, pp. 315–329.
36. Schulz, J., Kohli, M., Rein, M., Guillemard, A. & van Gunsteren, H. (1991). *Time for Retirement: Comparative Studies of Early Exit from the Labour Force*. Cambridge: Cambridge University Press. Available at: doi:10.1017/S0144686X00000714 (accessed: 02 March 2021).
37. Shultz, K.S. & Wang, M. (2011). Psychological Perspectives on the Changing Nature of Retirement. *The American Psychologist*, no 66, pp. 170–179.
38. Tuit, S. & van Ours, J.C. (2010). How Changes in Unemployment Benefit Duration Affect the Inflow into Unemployment. *Economics Letters*, no 109, pp. 105–107.
39. Venti, S. & Wise, D. (2015). The Long Reach of Education: Early Retirement. *The Journal of the Economics of Ageing*, no 6, pp. 133–148. Available at: <https://doi.org/10.1016/j.jeoa.2015.08.001> (accessed: 02 March 2021).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица ПП

Оценки вероятностей быть занятым, безработным или находящимся вне рабочей силы
(предельные эффекты, %) для респондентов 30–64 лет¹

	Занятые			Безработные			Вне рабочей силы		
	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019
Проживание в городе (да = 1; нет=0)	0,066***	0,067***	0,072***	-0,014***	-0,012***	-0,009***	-0,052***	-0,055***	-0,063*** (0,001)
Наличие детей до 18 лет (да = 1; нет=0)	0,009***	0,004*	0,015***	-0,002***	-0,0002	-0,002***	-0,006***	-0,004***	-0,012***
Состоит в браке (да = 1; нет=0)	0,037***	0,037***	0,039***	-0,015***	-0,014***	-0,013***	-0,022***	-0,023***	-0,027***
Высшее образование ² (да = 1; нет=0)	0,152***	0,147***	0,149***	-0,025***	-0,024***	-0,019***	-0,127***	-0,123***	-0,131***
Среднее профессиональное образование (да = 1; нет=0)	0,092***	0,088***	0,092***	-0,015***	-0,015***	-0,013***	-0,077***	-0,073***	-0,079***
Пол (м= 1; ж=0)	0,113***	0,115***	0,113***	0,007***	0,005***	0,006***	-0,121***	-0,12***	-0,119***
Возраст 50–54 года (да = 1; нет=0)	-0,059***	-0,055***	-0,042***	-0,005***	-0,005***	-0,004***	0,064***	0,06***	0,046***
Возраст 55–59 лет (да = 1; нет=0)	-0,235***	-0,227***	-0,214***	-0,014***	-0,014***	-0,015***	0,249***	0,241***	0,228***
Возраст 60–64 года (да = 1; нет=0)	-0,414***	-0,405***	-0,399***	-0,03***	-0,028***	-0,032***	0,444***	0,433***	0,43***
Pseudo R ²	0,224	0,228	0,220	0,224	0,228	0,220	0,224	0,228	0,220
N	563859	563386	547457	563859	563386	547457	563859	563386	547457

Примечания: * p<0.05; ** p<0.01; *** p<0.001.

¹ Здесь и далее: зависимая переменная – статус занятости/экономической активности; база – занятость.² Уровень бакалавриата и выше.

Таблица П2

**Оценки вероятностей быть занятым, безработным или находиться вне рабочей силы
(предельные эффекты, %) для респондентов 50–54 лет**

	Занятые			Безработные			Вне рабочей силы		
	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019
Проживание в городе (да = 1; нет=0)	0,073***	0,072***	0,080***	-0,016***	-0,013***	-0,012***	-0,06***	-0,06***	-0,068***
Наличие детей до 18 лет (да = 1; нет=0)	0,013**	0,006	0,014***	0,001	0,003	0,002	-0,013***	-0,009***	-0,016***
Состоит в браке (да = 1; нет=0)	0,059***	0,053***	0,059***	-0,014***	-0,014***	-0,016***	-0,045***	-0,039***	-0,043***
Высшее образование ¹ (да = 1; нет=0)	0,137***	0,131***	0,132***	-0,026***	-0,027***	-0,022***	-0,111***	-0,104***	-0,11***
Среднее профессиональное образование (да = 1; нет=0)	0,071***	0,068***	0,068***	-0,013***	-0,015***	-0,012***	-0,058***	-0,053***	-0,057***
Пол (м=1; ж=0)	0,041***	0,042***	0,035***	0,01***	0,009***	0,01***	-0,051***	-0,051***	-0,044***
Pseudo R ²	0,042	0,043	0,046	0,042	0,043	0,046	0,042	0,043	0,046
N	76676	74424	70179	76676	74424	70179	76676	74424	70179

Примечания: * p<0.05; ** p<0.01; *** p<0.001.
¹ Уровень бакалавриата и выше.

Таблица ПЗ

**Оценки вероятностей быть занятым, безработным или находиться вне рабочей силы
(предельные эффекты, %) для респондентов 55–59 лет**

	Занятые			Безработные			Вне рабочей силы		
	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019
Проживание в городе (да = 1; нет=0)	0,08***	0,083***	0,086***	-0,005***	-0,003***	-0,004***	-0,075***	-0,08***	-0,082***
Наличие детей до 18 лет (да = 1; нет=0)	0,063***	0,054***	0,058***	0,006*	0,004***	0,007***	-0,069***	-0,058***	-0,065***
Состоит в браке (да = 1; нет=0)	0,03***	0,034***	0,045***	-0,012***	-0,012***	-0,009***	-0,017***	-0,022***	-0,036***
Высшее образование ¹ (да = 1; нет=0)	0,208***	0,217***	0,225***	-0,01***	-0,009***	-0,008***	-0,198***	-0,208***	-0,217***
Среднее профессиональное образование (да = 1; нет=0)	0,1***	0,099***	0,107***	-0,004***	-0,001	-0,003**	-0,095***	-0,098***	-0,104***
Пол (м=1; ж=0)	0,262***	0,269***	0,251***	0,025***	0,023***	0,021***	-0,286***	-0,292***	-0,273***
Pseudo R ²	0,069	0,075	0,073	0,069	0,075	0,073	0,069	0,075	0,073
N	88024	87224	82118	88024	87224	82118	88024	87224	82118

Примечания: * p<0.05; ** p<0.01; *** p<0.001.

¹ Уровень бакалавриата и выше.

Таблица П4

Оценки вероятностей быть занятым, безработным или находиться вне рабочей силы (предельные эффекты, %) для респондентов 60–64 лет

	Занятые			Безработные			Вне рабочей силы		
	2017	2018	2019	2017	2018	2019	2017	2018	2019
Проживание в городе (да = 1; нет=0)	0,047***	0,053***	0,058***	0,001	0,001	0,001	-0,048***	-0,054***	-0,058***
Наличие детей до 18 лет (да = 1; нет=0)	0,122***	0,10***	0,104***	0,004	0,005*	0,004*	-0,126***	-0,105***	-0,108***
Состоит в браке (да = 1; нет=0)	-0,013***	-0,011**	-0,009*	-0,005***	-0,004***	-0,002**	0,018***	0,015***	0,011**
Высшее образование ¹ (да = 1; нет=0)	0,182***	0,172***	0,179***	0,002**	0,001	0,001	-0,184***	-0,172***	-0,18***
Среднее профессиональное образование (да = 1; нет=0)	0,078***	0,075***	0,079***	0,002*	0,001	0,001	-0,079***	-0,076***	-0,08***
Пол (м=1; ж=0)	0,127***	0,134***	0,135***	0,007***	0,005***	0,005***	-0,134***	-0,14***	-0,14***
Pseudo R ²	0,036	0,034	0,035	0,036	0,034	0,035	0,036	0,034	0,035
N	82462	85258	84795	82462	85258	84795	82462	85258	84795

Примечания: * p<0.05; ** p<0.01; *** p<0.001.

¹ Уровень бакалавриата и выше.